

А. В. Полетаев

АРХИЕПИСКОП КИПРИАН, ИГУМЕН АВРААМИЙ И СТРОИТЕЛЬ ВАРЛААМ (1621 ГОД В ИСТОРИИ ВЕРХОТУРСКОГО СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ) [ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ-СИНОДИКА]

В данной работе предпринята попытка найти ответы на некоторые нерешенные вопросы истории Русской Православной Церкви на Урало-Сибирских землях в 1621 г., когда была основана Сибирская и Тобольская епархия, возглавленная архиепископом Киприаном. Прежде всего это вопросы, которые имеют отношение к истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря. В контексте заявленной темы приводятся реконструкции биографий двух иноков-насельников Свято-Николаевской обители — игумена Авраамия и строителя Варлаама, игравших заметную роль в ее функционировании в указанное время.

Ключевые слова: *урало-сибирская церковная история, Верхотурский Свято-Николаевский монастырь в первой четверти XVII в., актовая археография, историческая генеалогия.*

Значение вынесенной в заглавие нашей статьи даты — 1621 г. — для истории Русской Православной Церкви на Урало-Сибирских землях переоценить трудно. По инициативе патриарха Филарета было принято решение об организации Сибирской и Тобольской епархии. Каноническая территория русского Православия в связи с этим расширялась, в буквальном смысле до бескрайних пределов (в Московском государстве в то время действительно не знали, где находится «край Сибирских земель»). В архиепископы Сибирские и Тобольские был хиротонисан архимандрит Новгородского Спасо-Хутынского монастыря Киприан (Старорусенков). В середине января 1621 г. он выехал из Москвы в Тобольск, в столицу новоучрежденной владычной кафедры.

Фигура Киприана не нуждается в представлении — литературы об этом выдающемся пастыре написано столько, что обзор научных трудов, посвященных ему, занял бы отдельное историографическое исследование¹. Однако в изучении деятельности владыки Киприана в первые месяцы его архиерейского служения за Уралом до сих пор остается ряд неразрешенных вопросов. Цель данной работы — попытаться найти ответы на некоторые из них, прежде всего на те, которые имеют отношение к истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря.

Исследование по заявленной теме необходимо начать уже с момента выезда преосвященного Киприана из Москвы в Сибирь. В новейшей литературе, посвященной региональной церковной истории, путь архиерейского кортежа 1621 г. в Тобольск представлен не столько в неверном, сколько в упрощенно-клишированном виде, что существенно затрудняет понимание проблематики (в связи с подобной подачей материала возникают ассоциации с неким парадом или иным триумфальным шествием). Например, в самой фундаментальной из работ по истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря о пути архиепископа в Сибирь сказано одной фразой: «Следуя в Тобольск, главный город новой епархии, Киприан вез с собой монахов из лучших и прославленных монастырей Руси — Троице-Сергиева, Соловецкого, Варлаамо-Хутынского, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белоозерского»². Структура вышеприведенной фразы сохранена и в изданном годом позднее иллюстрированном научно-популярном издании «Русские монастыри: Урал. Екатеринбургская и Верхотурская епархия»: «Направляясь в Тобольск, <...> Киприан вез с собой монахов из лучших и самых прославленных монастырей Руси (Соловецкого, Хутынского, Волоколамского), намереваясь поставить их во главе обитателей, которые еще предстояло учредить»³.

Действительно, отъезд сибирского архипастыря был организован в Москве достойным образом. В свиту владыки вошло более 50 чело-

¹ Далеко не полную библиографию см., напр.: *Ромодановская Е. К.* Киприан Старорусенков // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 156–163.

² *Тихон (Затёкин), игум., Нечаева М. Ю.* Уральская Лавра. Екатеринбург, 2006. С. 23.

³ *Нечаева М. Ю.* Свято-Николаевский Верхотурский мужской монастырь // *Русские монастыри: Урал. Екатеринбургская и Верхотурская епархия*. Новомосковск, 2007. С. 236–237.

век «соборян и старцев, и дворовых людей»⁴. Эта «духовная экспедиция» везла в Сибирь множество драгоценной церковной утвари и была снабжена всеми необходимыми «запасами». В столице на функционирование новой владычной кафедры не поскупились и «государевой денежной казной». В городах, по пути следования архиепископа Киприана в Сибирь, устраивали ему торжественные встречи, сопровождаемые крестными ходами. Однако имели место и негативные явления. О них мы вынуждены упомянуть подробнее.

Рассмотрим вкратце ситуацию, сложившуюся в правящих кругах Московского государства накануне хиротонии Киприана. До возвращения из польского плена отца Михаила Федоровича митрополита Филарета (Федора Никитича Романова) юный царь в значительной степени находился под контролем матери, некоторое время выполнявшей при нем, по сути, регентские функции — Ксении Ивановны, урожденной Шестовой, насильственно постриженной по приказу Бориса Годунова в монахини под именем Марфы. Естественно, очень сильные позиции при дворе имели в это время ближайшие родственники «великой старицы Марфы», особенно клан дворян Салтыковых, занявших видные думные и дворцовые чины. Влияние Салтыковых было столь велико, что благодаря их козням была даже сорвана царская свадьба, а «нареченная государева невеста» Мария Хлопова отправилась в сибирскую ссылку⁵. Положение изменилось, когда 14 июня 1619 г. в Москву вернулся освобожденный поляками по Деулинскому перемирию митрополит Филарет. Уже десять дней спустя, 24 июня он был возведен в патриархи Московские и всея Руси. Отец государя новой династии быстро разобрался в причинах придворных интриг и стал наводить порядок, резко пресекать самоуправство Салтыковых и их «свойственников». В 1620–1621 гг. разного рода опалам подверглись многие из интриганов. В немилость патриарха попали не только высшие сановники, но и представители непривелигированных слоев общества — люди т. н. «окружения», те, которые находили удовольствие и материальную выгоду от вращения в московских политических сферах вокруг матери царя и «сильных» Салтыковых.

⁴ Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Он же. Сочинения: в 2-х т. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 208–209.

⁵ См.: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 2. Вып. 4. СПб., 1874. С. 15–17, 28–29; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 114–120.

В числе этого «окружения» было немало духовенства и монашества. Разумеется, «люди церковные» попадали под строгий взгляд Филарета в первые годы его правления и по другим причинам. Общеизвестно, что в начале патриаршества Филарета в церковно-политических кругах против него имела место скрытая оппозиция. Персона нового патриарха — в прошлом блестящего светского феодала, красавца и щеголя, не по своей воле ставшего монахом, — импонировала далеко не всем. Принимая высшее духовное руководство, верховный архипастырь выявил и разного рода церковные нарушения и несогласия.

Исходя из вышесказанного, есть основания говорить, что в Сибирь в свите архиепископа Киприана ехали преимущественно священнослужители и монахи, которых по различным причинам патриарху Филарету видеть «на Москве» не хотелось. Не всех их устраивала дальняя командировка, сопряженная с изолированностью от столичных событий, с нарушением привычного житейского уклада и множеством бытовых неудобств. Сибирь, «украинная государева вотчина», граничившая с легендарной «Гогой и Магогой», в XVII в. прочно ассоциировалась у жителей Европейской Руси с местом ссылки преступников.

То, что «большинство лиц, назначенных в штат Киприана», следовали за ним «не по своей воле», отмечал еще в конце XIX в. классик отечественного сибиреведения П. Н. Буцинский. «Недовольные переселенцы, — писал он, — уже во время пути вели себя так, что от них Киприан ни для себя, ни для дела, которое ему предстояло в Сибири, не мог ожидать в будущем ничего доброго»⁶. Действительно, 26 января архиепископ по дороге в Сибирь (в своей отписке из Ярославля патриарху Филарету) немало сокрушался по поводу поведения своей свиты. Назначенные в его распоряжение четыре «певчих дьяка» в составе владычного эскорта из столицы не выехали — «генваря по 26-е число» ни один из них (С. Евтихеев «с товарищи») «в Ярославль с Москвы не бывали»⁷. Исчез из виду,

⁶ *Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии... С. 211.

⁷ Должно заметить, что «певчие дьяки», особенно из элитных (царских и патриарших) хоровых «станиц», нередко отличались развязным поведением. Позднее, в 1622 г., трех «певчих дьяков» из своего окружения Киприан даже обвинял в воровстве — «приноровя ключ, отомкнули у сеней замок и взломали в келье коробейку, и выняли денег девяносто рублей. Да тут же взяли платья однорядку темносиню, сукно аглинское, да ферези, киндяк зелен, да кафтан бархателной, нашифка шолк зелен, да сапоги сафьянные червчаты, да <...> штаны темнозелены лятчинные, да балахон, да <...> вы-

«на Москве ухоронился», успев получить при этом «годовое жалованье и кормовые, и прогонные денги», один из подчиненных архиепископу монахов — «старец Серапион»⁸. Подьячий Григорий Бахтеев, которому указано было закупать по дороге в Сибирь провиант для новоучрежденной владычной кафедры, запил — «пьет и бражничает, а хлебные запасы покупает оплошно». Купленный им в Ярославле хлеб был настолько «худ», что не годился, по словам Киприана, «ни на семена, ни на емена». Из Ярославля же сбежал приданный архиепископу дворцовый повар⁹.

Естественно, в силу указанных обстоятельств архиерейский кортеж двигался в Сибирь крайне медленно. Только 12 марта 1621 г. преосвященный Киприан достиг Верхотурья¹⁰. Там он вынужден был дожидаться, когда подъедут остальные его подначальные — «архангильской ключар Иван да кузмодемьянской поп Игнатей, да воскресенской поп Иван, да николской поп из Гнездииков Иван же, да георгиевской поп Онтон, да зачатейской дьякон Лука». Этим московским клирикам было указано служить у архиепископа «в соборе: ключарю Ивану в протопопех, попу Игнатью в ключарех, попом Ивану и Онтону, и Ивану в соборе ж в попех, а дьякону Луке во дьяконех»¹¹. Позднее вла-

няли ис подголофка две книги стихарали и иные переводы путные и демевственные все». По словам владыки, воры спрятали «денги и платье, и стихарали» у тобольского стрельца Степана Филиппова по прозвищу Козьи Ножки. Доставленные для следствия из Тобольска в Москву, «певчие дьяки» факт кражи, равно и сокрытия украденного «у Степанка у Козьих Ножек», отрицали. Следствие закончилось безрезультатно. «Вершить» дело так и не удалось (см.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 190–191. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 4)).

⁸ Впоследствии он будет пойман и отправлен «с приставом» к владыке Киприану. П. Н. Буцинский писал, что именно этого Серапиона архиепископ послал с Верхотурья в 1621 г. на р. Нейву для основания там монастыря (см.: *Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии... С. 231). Надо сказать, монах не очень поспешал с возведением новой обители (впоследствии Невьянского Богоявленского монастыря). В 1623/24 г. монастырь все еще не был построен — дозорная книга М. А. Тюхина фиксирует, что начатое «старцем Серапионом» строительство «на реке на Невье» длится «тому третьей год», но далеко до завершения — у монастырского храма было «рублено» лишь «двенатцать венцов, да поставлено кельишко да клетишко» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 191 об. – 192).

⁹ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 170; *Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии... С. 211.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАДА. Ф. 199. Д. 541. Л. 199 – 199 об.

дыка писал патриарху Филарету, что московские священнослужители по дороге «до Верхотурья <...> не ехали ни одного дни» в составе его свиты, «а ехали все по сторонам, своим произволом, как хто хотел для самоволства и пьянства». Прибыв наконец в Верхотурье и столкнувшись там с Киприаном, они «подняли шум и слезы, и вопь з женами и з детми, и с людми. И говорили, что Бог судит их разлучником, хто их съ их домами и с родом, и с племянем розлучил. Да и до Тоболска <...> оне, едуци с Верхотурья, по всем сибирским городом и в Тоболске тех своих речей не переменяли, что будто они погибли от отца нашего святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси, и иные многие непригожие слова про <...> святейшаго патриарха <...> говорили ж»¹².

¹² Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 204. Следует заметить, архиепископ Киприан из Тобольска не раз жаловался на вызывающе-фрондерское поведение этих священнослужителей — «что те попы <...> с ним, архиепископом, в соборе в церковных службах быти не хотят, и в церкви не служат, и его ни в чем не слушают, а составляют на него ропот многой, и нашего жалованья денежново, и хлебные руги не взяли, и живут самоволством». Они даже предпринимали попытку бежать в Москву, но их по дороге «воротили и привезли назад в Тоболеск». Архипастырь «тем попом <...> служить с собою велел, и наше денежное и хлебное жалованье им давал». Однако застрельщики «смуты» — ключарь Иван и священник Игнатий продолжали упорствовать, высокомерно заявляя, что «им за церковную службу принятца нелзе», намекая при этом на каких-то влиятельных столичных покровителей — «к ним пишут с Москвы доброхоты их, что им однолично вскоре опять быть на Москве по-прежнему». Глядя на смутьянов, остальные клирики тоже проявляли непокорство владыке. Единственный из группы крамольников диакон Лука «от них отстал, и, взяв <...> денежное и хлебное жалованье, начал в соборе служить, и двор себе купил». Государев указ гневом обрушился на супротивников (дерзнувших к тому же бахвалиться перед архиепископом своими московскими связями). Грамотой от 19 декабря 1622 г. тобольским властям велено было «тех безделников и воров попов за их воровство и ослушанье <...> архангилского ключаря Ивана да попа Игнатья розослати ис Тоболска в дальние сибирские города — в Мунгазею или в Кецкой, или в Кузнецкой острожек порознь, тотчас, безсрочно». Остальных приказывалось сослать «в сибирские в ближние города — в Тюмень и в ыные города <...> а без нашего указу <...> отпускати их к Москве и никуды не велено». Зачатиевского же диакона Луку разрешено было по истечении его сибирской службы «отпустити <...> к Москве совсем», выдав подводы для возвращения — «как мочно поднятца» (РГАДА. Ф. 199. Д. 541. Л. 199–204 об.). П. Н. Буцинский, привлекавший данные материалы к исследованию, писал, что смутьянам удалось избежать ссылки «в сибирские города» — они покаялись перед архиепископом и были

В новейших исследованиях по истории Свято-Николаевского монастыря обозначено, что «пребывание архиепископа в Верхотурье было недолгим»¹³. Данное утверждение неверно. Известно — владыка Киприан вынужден был задержаться в Верхотурье более чем на два месяца¹⁴. Ранняя редакция Сибирского летописного свода «Книга записная», а также летописные тексты, восходящие к ней, сообщают, что архиепископ прибыл в Тобольск лишь 30 мая 1621 г.¹⁵ Однако это произошло еще позднее — 19 июня. Такую дату указывал сам Киприан в отписке в Москву патриарху Филарету. Владыка докладывал, что он «приехал в Сибирь в Тобольской город здорова» только «июня в 19 день», а задержался в дороге потому, что «зождався <...> на Верхотурье с протопопом и с приказными, и з дворовыми людьми»¹⁶.

Длительная задержка архиепископа Киприана в Верхотурье связана была не только с указанной выше причиной — вынужденным ожиданием, когда к архиерейскому кортежу присоединится отставшая по дороге часть свиты. Владыка, как уже говорилось, прибыл в Верхотурье 12 марта 1621 г. Для XVII в. в григорианском календаре эта дата соответствует 22 марта. Вторая половина марта — начало весенней «роспуты». С подтаиванием снегов «санный путь» становился трудноосуществимым. Путешествовать в это время в нагруженных санях архиерейского обоза представлялось опасным, ибо значительная часть зимних дорог проходила по речному льду, можно было легко угодить в полынью. Установление же «тележного и стругового пути» требовало полного таяния снежного покрова, окончания ледохода и весеннего паводка. На некоторое, порой весьма длительное, время передвижение на большие расстояния прекращалось. Таким образом, владыка Киприан, хотел он

оставлены в Тобольске (см: Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 187).

¹³ Тихон (Затёкин), игум., Нечаева М. Ю. Уральская Лавра. С. 23; Нечаева М. Ю. Свято-Николаевский Верхотурский мужской монастырь. С. 237.

¹⁴ Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии... С. 211.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 146, 194, 261–262, 318, 347, 370.

¹⁶ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 178. Тонкая природа летописей заставляет чрезвычайно осторожно относиться к материалу, в них содержащемуся. Поэтому вопрос о возникновении в «Книге записной» даты 30 мая 1621 г. требует тщательного исследования истории текста этого нарративного памятника.

того или нет, «не поспев» в Тобольск до наступления весеннего межсезонья, вынужден был остановиться в Верхотурье надолго. Оттуда на свою кафедру он отправился, как известно, уже водным путем — на судах¹⁷.

Знаменитый «историограф» Верхотурской Свято-Николаевской обители начала XX в. В. С. Баранов в одном из своих очерков писал: «архиепископ Киприан, следуя из Москвы через Верхотурье в кафедральный город Тобольск, пробыл здесь четыре дня»¹⁸. Эти «четыре дня» не стоит опрометчиво относить к сведениям легендарным. В. С. Баранов, будучи письмоводителем Свято-Николаевского монастыря, имел возможность пользоваться монастырским архивом, «львиная доля» документов которого ныне утрачена¹⁹. Среди несохранившихся монастырских бумаг, несомненно, находились те, которые содержали записи хронографического характера, восходящие, в свою очередь, к более ранним летописным известиям и (или) устным сказаниям по истории обители.

Поскольку мы не знаем, откуда В. С. Баранов почерпнул сведения о «четырех днях», а факт длительной задержки архиепископа Киприана в Верхотурье не вызывает сомнения, можно предложить следующее. Архиепископ Киприан действительно «пробыл здесь»²⁰ четыре дня, но не в *городе* Верхотурье, а в Верхотурском Никольском *монастыре*. Верхотурские воеводы И. И. Пушкин и Д. И. Зубов из государевых грамот были осведомлены о приезде владыки новоучрежденной Сибирской и Тобольской епархии²¹. Однако Верхотурье в сонме с другими городами по пути преосвященного Киприана в Тобольск рассматривалось в Москве лишь

¹⁷ Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии... С. 210.

¹⁸ Баранов В. С. Краткий исторический очерк Покровской женской общины (бывший монастырь) в городе Верхотурье // Святые Верхотурья. Нижний Новгород, 2012. С. 16.

¹⁹ Большая часть монастырского архива была разграблена еще в первые годы советской власти. В июне 1921 г. от верхотурского церковно-приходского совета, к ведению которого в то время относилось имущество Свято-Николаевского монастыря, в Екатеринбургскую губернскую чрезвычайную комиссию поступила жалоба. В ней, в частности, сообщалось, что «в ночь на Святую Пасху из одной из кладовых при монастыре были похищены почти все дела и книги, принадлежавшие не только сему монастырю и храмам его, но и другим монастырям епархии, состоящим в благочинии архимандрита Ксенофонта. Теперь же проявляются признаки, что бумага из похищенных дел и книг употребляется на обертку при продовольственном складе квартирующих в зданиях монастыря военно-командных курсистов» (УГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34840. Л. 102 – 102 об.).

²⁰ Здесь и далее курсив наш.

²¹ См. напр.: АИ. Т. 3. СПб., 1841. № 93. С. 118–119; № 96. С. 131–132.

в качестве транзитного пункта. Столичные чиновники не могли предполагать задержку архиерейского кортежа в дороге, и в отправленных верхотурским властям указаниях по поводу прибытия владыки речи не шло об определении ему двора для длительного постоя²². Поэтому архиепископ по приезде в Верхотурье, ожидая, когда ему местные воеводы выделят (и обустроят, соответственно требованиям к высокому духовному сану) подворье для проживания, провел «четыре дня» в стенах Свято-Николаевского монастыря, что нашло отражение в летописании обители и (или) в устных исторических преданиях ее насельников.

Надо полагать, первые распоряжения по новообразованной епархии были сделаны архиереем во время пребывания в монастыре. По крайней мере, можно не сомневаться в том, что именно на монастырском подворье производились преосвященным Киприаном назначения и перестановки, касаемые кадрового состава руководства самой Никольской обители.

Об этих назначениях и перестановках мы знаем из двух, во многом сходных по содержанию, царских грамот: 1) грамоте от 27 июля 1621 г. в Тобольск архиепископу Киприану²³, 2) грамоте, написанной днем спустя — 28 июля 1621 г. и адресованной верхотурским воеводам И. И. Пушкину и Д. И. Зубову²⁴.

Оба документа являют собой копии («списки з государевых грамот слово в слово»), выполненные разными писцами в разные годы XVII в. Текст грамоты от 27 июля 1621 г. сохранился в составе копийной книги, воссоздающей переписку между Тобольским архиерейским домом и Москвой. Книга была изготовлена в Тобольске в 1626–1628 гг. архиепископскими делопроизводителями для внутривластных нужд владыч-

²² Даже в Тобольске, конечном пункте путешествия Киприана, подворье для его резиденции не было подготовлено, и владыка приехал в епархиальную столицу, по меткому выражению П. Н. Буцинского, «на пень да на колоду» (*Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии... С. 213).

²³ В документе речь идет о посылке воеводам Тобольска, Верхотурья, Туринска, Тюмени и Березова грамот, подтверждающих распоряжение владыки Киприана о создании в этих городах новых церквей, монастырей и об определении туда иеромонахов, монахов и священников.

²⁴ В ней городским администраторам повелевается составить описи всех находящихся в Верхотурском уезде церковно-монастырских владений, в связи с церковным строительством, организованным архиепископом Киприаном по приезде на Сибирскую и Тобольскую кафедру.

ной канцелярии. Данный документ, хранящийся в РГАДА в фонде Разрядного приказа²⁵, впервые публиковался в 1994 г.²⁶ Грамота от 28 июля 1621 г. скопирована в Верхотурье, без малого спустя 60 лет после ее написания — 18 июня 1681 г. «Список» (в столбец) с подлинной грамоты выполнил священник Покровского девичья монастыря Димитрий Петров. Писец указал и место хранения подлинника — «на Верхотурье в приказной избе в денежном столе у подьячево Якова Портнягина в столпе». Копия от 18 июня 1681 г. находится ныне в РГАДА²⁷. Что касается публикации источника, она была осуществлена в 1841 г. в третьем томе «Актов исторических», издания, подготовленного Археографической комиссией при Императорской Академии наук²⁸.

Поскольку копия с грамоты от 27 июля 1621 г., несомненно, отличается высокой точностью²⁹, в дальнейшем мы предпочтем пользоваться ею, лишь при необходимости обращаясь к «списку» грамоты от 28 июля — там наличествуют многочисленные дефекты текста³⁰.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Кн. 173. Л. 135 об. – 141 об.

²⁶ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 177–178.

²⁷ Архивный фонд хранения и инвентарный номер документа, к сожалению, указать не можем. В свое время ксерокопию грамоты нам показывал для помощи в чтении скорописного текста игумен Верхотурского Свято-Николаевского монастыря о. Тихон (Затёкин), однако ее фондовый номер при ксерокопировании он не отметил.

²⁸ АИ. Т. 3. № 103. С. 140–143; повторная публикация: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. № 172. С. 272.

²⁹ 1) Копиист располагал грамотой, написанной современным ему письмом, поэтому проблем с прочтением скорописного текста не возникало. К тому же копию от подлинника отделяло лишь несколько лет — текст оригинала грамоты за этот промежуток времени не успел выцвести и (надо полагать) получить механические повреждения, создающие трудности при копировании. 2) События и лица, указанные в подлиннике документа, были еще памяты некоторым архиерейским канцеляристам. Данное обстоятельство облегчало коррекцию копии «з государевой грамоты слово в слово» и почти исключало вероятность ошибок-«прописок». 3) Сам факт того, что грамота была списана в копияльный сборник, предназначенный для приказных потребностей Тобольского архиерейского дома, предполагает точность отраженных в ее тексте «церковных реалий».

³⁰ В исследовательской литературе ранее уже отмечалось, что грамота от 28 июля 1621 г. скопирована с ошибками — имеет пропуски текста (*Тихон (Затёкин), игум., Нечаева М. Ю.* Уральская Лавра. С. 23–24). Добавим, что эти ошибки обязаны своим происхождением не только невнимательности копииста XVII в. Целый ряд «прописок» и неправильных прочтений документа допустили публикаторы XIX в. — это мы за-

Обратимся к источникам. В царской грамоте от 27 июля 1621 г. в традициях того времени довольно подробно пересказывается предшествующая ей отписка преосвященного Киприана (патриарху Филарету) о своей деятельности. Уже из первого абзаца содержательной части грамоты узнаём, что архиепископ сменил в Свято-Николаевском монастыре весь бывший руководящий состав — игумена, «строителя» (эконома) и «черного попа» (совершающего богослужения иеромонаха). Владыка «на Верхотурье в *старой* (т. е., существовавший до 1621 г. — А. П.) монастырь к Николе Чюдотворцу поставил <...> игумена Германа, постриженника Троицы Сергеева монастыря, да с ним строителя старца Макария, постриженника Иосифова монастыря»³¹, а из числа местной братии «поставил в попы старца Феодосия». Куда же девалось прежнее монастырское «началство»? Из данного документа явствует, что смещенного «Никольского монастыря, что на Верхотурье, черново попа Христофора да <...> старчика служебника Семиона» архиепископ Киприан послал «на Невью» в распоряжение постриженника Соловецкого монастыря «старца Серапиона» (подробнее о нем см. сн. 8), «а велел им храм воздвигнути метили, когда сличали упомянутую выше ксерокопию грамоты (см. сн. № 27) с ее текстом, напечатанным в «Актах исторических».

³¹ В копии с грамоты от 28 июля 1621 г. пропущены слова: «постриженника Троицы Сергеева монастыря, да с ним строителя старца Макария». Поэтому в ней текст звучит так: «игумена Германа, постриженника Иосифова монастыря». Данное обстоятельство стало причиной тому, что в некоторых трудах по истории Верхотурской Свято-Николаевской обители можно встретить ошибочные указания на место пострига игумена Германа — Иосифо-Волоколамский монастырь (см., напр.: Очерки истории города Верхотурья и Верхотурского края (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998. С. 105; *Нечаева М. Ю.* Свято-Николаевский Верхотурский мужской монастырь. С. 237). Имеет место и предположение, что владыка Киприан назначил на Никольское настоятельство игумена Германа, «не остановив своего выбора ни на одном из местных монахов, может быть, даже сняв при этом Герасима» (Там же. С. 237. Смысл фразы не вполне ясен. Построение ее предполагает вероятность обратного действия — «может быть, даже и не сняв». Но два настоятеля в одном монастыре — нонсенс). Имя игумена Герасима встречается лишь в царской грамоте в Верхотурье от 9 марта 1615 г. Он, согласно документу, был поставлен на место основателя и первого настоятеля Свято-Николаевского монастыря игумена Ионы — «ибо тот Иона устарел и от службы отбыл» (АСПБ ИИ РАН. Ф. 28. Д. 30; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 25. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 1)). Однако в обеих июльских грамотах 1621 г. об игумене Герасиме даже не упоминается. По всей видимости, к этому времени его не было в Никольской обители.

Преображение Господа нашего Иисуса Христа да Соловецких чудотворцов Зосима и Саватая»³². В следующем абзаце грамоты повествуется, что «в Верхотурской уезд на Тагил к Рожеству Христову в монастырь» архипастырь «отпустил *старово* игумена Аврамия да с ним послал старца строителя Варлама»³³. Есть все основания полагать, что в лицах «*старово* игумена Аврамия» и «старца строителя Варлама» как раз и следует видеть смещенных архиепископом Киприаном в 1621 г. в *старом* Верхотурском Никольском монастыре игумена и строителя. Несомненно, Авраамий и Варлаам местные (Верхотурского уезда) жители — в отношении иноков, приехавших в Сибирь «с Руси» в составе свиты владыки Киприана, в документе обязательно указывается, постриженником какого монастыря является тот или иной. В отношении же «*старово* игумена» и строителя таких указаний нет. Тагильский Рождественский монастырь, в отличие от Верхотурского Никольского, «*старым*» в грамоте не назван. Более того, в ранее считавшейся утраченной дозорной книге Верхотурского уезда 1621 г. Ф. И. Тараканова (изрядная ее часть сохранилась в копии конца XVII — начала XVIII в.) читаем, что Авраамий «служит в игумнах по благословению архиепискупа Киприяна Сибирского и Тоболского на Тагиле <...> в *новом* Рождественском монастыре»³⁴. Стало быть, выехавший из Верхотурья на Тагил «*старый*» игумен Авраамий — это прежде бывший, но смещенный с должности архиепископом Киприаном настоятель «*старого*» Верхотурского Свято-Николаевского монастыря³⁵.

Здесь нельзя обойти стороной один вопрос — о времени основания Тагильского Рождественского (Преображенского) монастыря. В фундаментальных обзорах по церковной истории Урала ответ на него звучит весьма расплывчато. Так, в разделе, посвященном формированию ураль-

³² Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 177.

³³ Там же.

³⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 96 об.

³⁵ Стоит обратить внимание и на момент «лингвистический». В обеих июльских грамотах 1621 г. в отношении лиц, отправленных владыкой Киприаном для церковного строительства на окормляемой территории, звучит слово «послал». Однако в адрес «старого игумена Аврамия» употреблено другое слово — «отпустил» (Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 177; АИ. Т. 3. № 103. С. 141; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 172. С. 272). В числе смысловых оттенков слова «отпустил» В. И. Даль выделяет и освобождение от занимаемой должности (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2. С. 748).

ского монашества в издании «Русские монастыри: Урал. Екатеринбургская и Верхотурская епархия», автор раздела полагает, что монастырь на Тагиле возник еще до 1621 г. Архиепископ Киприан лишь «укрепил <...> Тагильскую обитель — оставил там прежнего игумена (имеется в виду Авраамий. — А. П.), но дал ему еще одного монаха в помощники (имеется в виду Варлаам. — А. П.)»³⁶. В «Истории Екатеринбургской епархии» читаем: «Тогда же (в 1621 г. — А. П.) на р. Тагил появился и Рождественский монастырь»³⁷. Однако ниже, в приложении к карте «Церкви, монастыри и святыни Урала в XVII веке», в книге обозначено, что Тагильский Рождественский (Преображенский) монастырь был «основан до 1621 г.»³⁸. Сомнения историков понять можно. Фраза из грамоты от 27 июля 1621 г. о том, что владыка Киприан «на Тагил к Рожеству Христову в монастырь отпустил старово игумена Авраамия, <...> а велел тот монастырь отписать совсем игумену Авраамю и строителю з братьею», действительно может быть воспринята как указание на то, что «старый игумен» Авраамий — настоятель некоего уже существующего «на Тагиле реке» (т. е. основанного до 1621 г.) Рождественского монастыря.

Чтобы более детально разобраться с вопросом об основании Тагильской Рождественской (Преображенской) обители, обратимся вновь к дозорной книге Ф. И. Тараканова. Из материалов «писма и дозора» 1621 г. выясняется, что до руководства Верхотурским Свято-Николаевским монастырем Авраамий некоторое время проживал на Тагиле — служил «черным попом» в Преображенском храме одноименного погоста. При описании церковных земель погоста, которые обрабатывали «преображенской поп Иван и дьячек, и пономарь, и просвирица в руги место», означено, что им эти земли достались в наследство. Несколько лет назад «роспахал тое пашню и сенные покосы косил» «преображенской черной поп Авраамий», тот самый, который на момент переписи служил «в ыгумнах <...> на Тагиле ж в новом Рождественском монастыре»³⁹. Поражает величина земельных угодий

³⁶ Нечаева М. Ю. Из истории монашества Екатеринбургской епархии // Русские монастыри: Урал. Екатеринбургская и Верхотурская епархия. Новомосковск, 2007. С. 170.

³⁷ Манькова И. Л. Укрепление основ православной жизни // История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. С. 93.

³⁸ Там же. С. 136.

³⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 96 об.

прежнего их хозяина: «на Тагиле церковные Преображенские пашни паханые <...> тритцать три чети в поле, а в дву потому ж; да заложные непаханные земли <...> пять чети в поле, а в дву потому ж — земля добрая; да сенных покосов <...> семьсот копен»⁴⁰. Такие площади — 57 десятин пригодных для хлебопашества земель и обширные сенные покосы — в сравнении с земельными площадями Европейской России можно отождествить если не с боярской вотчиной, то, по крайней мере, с крупным поместьем⁴¹. Обслуживать столь значительные сельскохозяйственные угодья без привлечения наемной рабочей силы («половников» и «гулящих людей»)⁴² не представлялось возможным. По этой причине преображенские клирик и причетники не смогли надолго удержать за собой большую часть накопленного Авраамием земельного фонда. В челобитной царю Михаилу Федоровичу «нищие <...> богомолцы из Сибири Верхотурского уезду Тагила Преображенья Спасова <...> поп Иванище, дьячек Тренка, пономарь Антипка» жаловались, что верхотурские воеводы и дети боярские, занимаясь устройством «государевой пашни» на плодородных тагильских землях, чинят пашенному хозяйству Преображенского погоста всевозможные препоны. В частности, «гулящих людей» и «половников», нанятых для обработки церковной земли, администраторы «отымают в твою государеву пашню в крестьяне без твоего государева указа, мимо волных людей, и те наши пашнишки запустели; а призвать и подрядить в половничешка <...> невозможно — блюдя такие самосильственные

⁴⁰ Четверть («четь») — как мера поверхности соответствовала 5462,5 м² (чуть больше современной 1/2 десятины). «Мерная копна» — вес сена, приблизительно равный 15 пудам.

⁴¹ Даже для Западной Сибири, в первой четверти XVII в. не знавшей «земельного голода», пашенный участок Авраамия представляется огромным. К примеру, богатейший из тобольских служилых людей, сподвижник Ермака, атаман пеших казаков Третьяк Юрлов по дозорным книгам Тобольского уезда 1623/24 г. имел «пашни паханой <...> 24 чети в поле, а в дву потому ж». Притом по плодородности его земля относилась не к «доброй», а к «средней» категории (см.: *Никитин Н. И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 75).

⁴² Половник — неполноправный крестьянин, который за аренду пашни выплачивал землевладельцу определенное договором количество лет половину урожая. Гулящий человек — лично свободный (не прикрепленный к какой-либо общине) человек, кормившийся промыслами и сезонной работой.

изгони нихто в половине не рядится»⁴³. Через три года после переписи Ф. И. Тараканова, в 1623/24 г., «писец и дозорщик» М. А. Тюхин зафиксировал за Тагильским Преображенским погостом лишь «пашни паханые двенатцать чети в поле, а в дву потому ж. Перелогу десять чети. Сена <...> по обе стороны реки Тагила двести копен»⁴⁴.

Изложенный материал позволяет сделать следующее предположение. Авраамий, служа «черным попом» в Тагильском Преображенском погосте, помышлял об основании там иноческой обители — надо полагать, его, как иеромонаха, тяготило вынужденное пребывание «в миру». Поэтому, задумав построить монастырь, «черной поп» заранее готовил условия для его экономического обеспечения⁴⁵. Однако по каким-то обстоятельствам осуществить свой замысел Авраамию не удалось, и он отошел с Тагила в Верхотурье в Свято-Николаевский монастырь, оставив свой сельскохозяйственно освоенный земельный надел в наследство «белому попу» и причетникам Преображенского погоста⁴⁶. В Никольской обители Авраамий стал игуменом. Надо полагать, получить руководящую должность помогли богослужебная грамотность и та «хозяйственная хватка», которая проявилась в годы его пребывания в Преображенском погосте. На Никольском игуменстве Авраамия застал приехавший в марте 1621 г. в Верхотурье архиепископ Киприан.

По всей видимости, Авраамий перед преосвященным Киприаном сам вызвался ехать на Тагил — он во всех тонкостях знал поземельную ситуацию в окрестностях Преображенского погоста и, возможно, поведал владыке о своей попытке основать там монастырь (если, конечно, наше предположение верно и она имела место). Так или иначе, вернулся Авраамий в район прежнего своего пастырского служения не по личной инициативе, а с благословения архиепископа, включенный в его «программу» по церковно-монастырскому обустройству земель новообразованной епархии.

⁴³ Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии... С. 230.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 191 – 191 об.

⁴⁵ Возможно, вокруг Авраамия в Преображенском погосте стали собираться его единомышленники и еще до 1621 г. там возникло некое подобие монашеской общины.

⁴⁶ Уход Авраамия в Верхотурье, вероятно, имел место в пределах 1618–1620 гг.

Однако даже официальные полномочия не помогли игумену достичь ощутимого успеха в возведении Тагильского Рождественского монастыря. Не будет преувеличением допустить, что помешали причины экономического характера⁴⁷. В 20-е гг. XVII в. на Тагиле верхотурские воеводы активно развернули устройство «государевой пашни». Как грибы после дождя на этих «угожих» землях стали расти черносошные крестьянские поселения, административно объединенные в Тагильскую слободу. Грамотой от 28 июля 1621 г. воеводам И. И. Пушкину и Д. И. Зубову, конечно, были даны указания, чтобы они «на Тагиле в Рождественском монастыре игумена Авраамия да строителя Варлама устроили землю <...>, из наших из порожжих земель, чем им мочно сытым быть»⁴⁸. Однако указания эти носили лишь общий, в известной степени даже рекомендательный, характер. Вся «конкретика» отдавалась на усмотрение региональных властей. Они должны были выполнить государево повеление, сообразуясь с местными возможностями. «Порожжих» же земель на Тагиле в связи с указанными выше причинами попросту в наличии не имелось⁴⁹. Что касается обширных сельскохозяйственных угодий Преображенского погоста, то отписать их в новую обитель также было нельзя. «Преображенской поп Иван и дьячек, и пономарь, и просвирница» владели доставшейся от Авраамия землей «в руги место», т. е. взамен казенного денежного и хлебного жалования. В случае изъятия земли у священника и церковнослужителей погоста возникла бы необходимость выплаты им руги. Это неминуемо приводило к появлению в «государевой казне» новой расходной статьи. Верхотурские воеводы отдавали себе отчет — Москва никогда не согласится с подобным решением. Судя по всему, «земельный вопрос» в отношении монастыря на Тагиле оставался открытым и несколько лет спустя. Дозорная книга М. А. Тюхина 1623/24 г. в Преображенском погосте фиксирует только кельи — «против храму келья игумена Макария, келья строителя старца Филарета <...> да четыре кельи нищих»⁵⁰. Никаких

⁴⁷ Гипотетическая предыдущая попытка Авраамия создать обитель в окрестностях Преображенского погоста могла не состояться по этим же причинам.

⁴⁸ АИ. Т. 3. № 103. С. 142; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. № 172. С. 272.

⁴⁹ Не исключено, что какие-то неосвоенные («порожжие») земли «по Тагилу реке» и были, однако у верхотурских администраторов находились причины придерживать их в качестве неприкосновенного земельного фонда для дальнейшего слободского строительства.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 191.

монастырских земель в окрестностях погоста и в целом «по Тагилу реке» тюхинская перепись не отмечает. Некоторое исключение — деревня-однодворка монастырского строителя, которую тот, бывший верхотурский посадский, при постриге оставил в своем владении — «на Тагиле ж деревня строителя старца Филарета, а бывал посадцкой человек»⁵¹.

Документальные источники в совокупности своей позволяют нам сделать довольно точную реконструкцию событий, имевших место после 1621 г. Претерпев сложности с основанием монастыря на Тагиле, Авраамий очень скоро — в 1622 г. или даже в конце 1621 г. — вернулся в Верхотурье. Там он вновь (конечно, с архиепископского благословения) встал у руководства Свято-Николаевским монастырем. Первоначальный ставленник Киприана Троицкий пострижник игумен Герман поуправлял обителью недолго — по всей видимости, от нескольких месяцев до года. Неудивительно, что владыка пересмотрел свое решение и вернул в Никольский монастырь «старого игумена». Преосвященный Киприан, имевший еще до своего архипастырского служения немалый административный опыт, должно быть, прекрасно понимал, что успех задуманных им в Сибири деяний в конечном итоге зависит от местных кадров. Приехавшие в составе его свиты иноки «из лучших и самых прославленных монастырей Руси» плохо вписывались в среду сибирских колонистов⁵². Сибиряки с недоверием (и порой обоснованным) смотрели на пришлецов, как на временщиков с соответствующим отношением к любым обязанностям. Осевшие же за Уральским хребтом в начале XVII в. священники и монахи к 20-м гг. столетия считали себя уже почти аборигенами взятой «на Ермакову саблю» новой русской земли. Не все из них отличались высокой церковной образованностью, но, несомнен-

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 191 об. В научной литературе можно встретить тезис, что «на Тагиле находилась “деревня старца Филарета”, подаренная неизвестным посадским человеком» (*Манькова И. Л.* Укрепление основ православной жизни. С. 93). Тезис этот возник из-за неверного прочтения вышеприведенного текста дозорной книги — «а бывал посадцкой человек»: вероятно, прочитано как «а давал посадцкой человек». Прочтение «а давал посадцкой человек» следует признать неправильным уже и потому, что едва ли у неизвестного посадского человека нашлись бы причины отписать свое земельное владение не Тагильскому монастырю, а его строителю.

⁵² К тому же, как было отмечено выше, преосвященный Киприан еще по дороге в Сибирь вошел в конфликт со своей свитой. Конфликт этот, как известно, закончился тем, что наиболее рьяные интриганы из числа служителей Тобольского архиерейского дома возвели на владыку извет — «великое духовное дело».

но, большинство не за страх, а за совесть несло Евангельское служение в непростых условиях порой жестокого, с неоформившимися еще морально-этическими установками колониального социума. Польза от деятельности местных «людей церковных» была намного значимей.

Первым после 1621 г. известным науке документом, где Авраамий снова указан настоятелем Свято-Николаевского монастыря, является грамота царя Михаила Федоровича от 2 ноября 1622 г. Грамота была написана в ответ на челобитную обители, в которой предпринималась попытка испросить казенное денежное и хлебное содержание («ругу») для «всей братии». Попытка эта не увенчалась успехом. Челобитчики — «Николского монастыря игумен Аврам⁵³ да строитель старец Макарий з братьею» — «в руге» получили отказ. Обители дозволялось лишь беспрепятственно принимать донаторские земельные вклады⁵⁴.

Данная грамота невольно стала причиной исследовательских разногласий. Это в свою очередь привело к путанице в научных работах по истории Свято-Николаевского монастыря. Так, игумен Тихон (Затёкин) и М. Ю. Нечаева на основании того, что в документе Авраамий в 1622 г. значится настоятелем Никольской обители, осторожно предполагают, что игумена Германа могло не существовать вовсе — на должность игумена в 1621 г. владыкой Киприаном был поставлен Авраамий, «а пищик просто ошибся в имени в грамотах 1621 г.»⁵⁵ Впрочем, экстравагантности данного предположения есть причина. В грамоте от 2 ноября 1622 г. странно парафразируется упомянутая выше челобитная «Верхотурского города Николского монастыря» игумена Авраамия и строителя Макария «з братьею». Среди парафраз есть и такая: «в прошлом-де во 129-м году ехал в Сибирь Киприан архиепископ Сибирской и Tobолской, и велел им быти у нашего богомолья в монастыре». Эти слова действительно можно

⁵³ Имя игумена упомянуто в документе дважды — один раз он назван Авраамом, второй — Авраамием.

⁵⁴ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 129 (I). Стлб. 397–399; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. № 189. С. 288.

⁵⁵ *Тихон (Затёкин), игум., Нечаева М. Ю.* Уральская Лавра. С. 24. Авторы не уточняют, о каком «пищике» идет речь — о писавшем (писавших) оригиналы грамот подьячем (подьячих) Приказа Казанского дворца (нет оснований говорить о том, что обе июльские грамоты 1621 г. написаны одним лицом), канцеляристе Tobольского архиерейского дома, скопировавшем грамоту от 27 июля, или же о копиисте грамоты от 28 июля верхотурском священнике Димитрии Петрове.

расценить как указание на то, что проезжавший через Верхотурье в Тобольск архиепископ Киприан назначил на управление Свято-Николаевского монастыря игумена Авраамия и строителя Макария. Однако данную грамоту отнюдь не следует рассматривать как источник (даже косвенный) по кадровой политике владыки Киприана. Грамота, как сказано, была написана в ответ на челобитную Никольского монастыря, основная цель составления которой — попытка выхлопотать казенное жалование для «всей братии». Ради получения «государевой денежной и хлебной руги» просители вышеприведенной фразой лишь подчеркивали легитимность своего положения — существование монастыря в Верхотурье было одобрено владыкой новообразованной Сибирской и Тобольской епархии. Естественно, по решению преосвященного Киприана было поставлено и действовало на момент написания челобитной⁵⁶ означенное в ее тексте монастырское руководство.

В дальнейшем имя Авраамия упоминается в верхотурских перечнево-массовых источниках 20-х — 30-х гг. XVII в. довольно часто.

Дозорной книгой Верхотурского уезда М. А. Тюхина 1623/24 г. среди жилых строений, находящихся в стенах Никольского монастыря, фиксируется «келья игумена Авраамия»⁵⁷. Согласно верхотурской окладной книге за этот же год, «Никулского монастыря игумен Аврамей» получал 6 рублей годового денежного жалования⁵⁸. Был выдан Авраамию «оклад его — 6 рублей» и в следующем 1624/25 г.⁵⁹

Несколько позднее, по неизвестным нам причинам, Авраамий вновь будет смещен с руководства обителью — в грамоте от 25 октября 1627 г. настоятелем Свято-Николаевского монастыря значится игумен Вениамин. Данной грамотой монастырь и добился от казны выдачи ежегодного хлебного жалования («хлебной руги») на 12 человек братии⁶⁰. Но игуменство Вениамина было непродолжительным.

⁵⁶ Если грамота, в которой Авраамий упоминается как настоятель Никольского монастыря, датируется 2 ноября 1622 г., то челобитная, ответом на которую явилась данная грамота, вероятно (учитывая среднюю продолжительность пути из Верхотурья в Москву), была написана игуменом Авраамием и строителем Макарием «з братьею» в начале осени 1622 г.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 188 об.

⁵⁸ Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 98.

⁵⁹ Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 7. Пермь, 1897. С. 183.

⁶⁰ АИ. Т. 3. № 148. С. 239–240.

В самом конце 20-х — начале 30-х гг. XVII столетия Авраамий снова на некоторое время оказался у руководства обителью. Однако в окладных книгах 1631/32, 1632/33 гг. отмечено, что он уступил настоятельский посох «черному попу» Иову («а ныне въ ево место черной поп Иев»), поскольку был назначен служить «черным попом» в Верхотурский Покровский женский монастырь⁶¹.

Около двух лет Авраамий окормлял покровских сестер. В 1633/34 г., как явствует верхотурская окладная хлебная книга за этот год, он («вместо черново попа Иева») вновь вернулся на управление в родную обитель⁶².

По возвращении своем руководил Авраамий Свято-Николаевским монастырем недолго — до 1634/35 или 1635/36 г. В верхотурских окладных книгах 1636/37 и 1637/38 гг. в качестве настоятеля обители отмечен уже другой — «черной поп Игнатей»⁶³.

Более об Авраамии нам к настоящему моменту ничего не известно. Вне сомнения, дальнейшие поиски архивного материала должны дать новые сведения об этом игумене — третьем по счету настоятеле Верхотурского Свято-Николаевского монастыря.

Что касается посланного в 1621 г. архиепископом Киприаном «в Верхотурской уезд на Тагил к Рожеству Христову в монастырь» помощника Авраамия — «старца строителя Варлама», то о нем можно сказать следующее.

Имя «старца Варлама» встречается в верхотурских документах, датированных началом 20-х гг. XVII в., неоднократно. В книге «писма и дозору» Верхотурского уезда Ф. И. Тараканова 1621 г. перечисляются и владения Свято-Николаевского монастыря. В числе угодий обители отмечена «Николского <...> монастыря вниз по Туре реке — от города тритцать шесть верст, деревня» (чуть позднее она получит топоним «деревня Лошкина на Туре реке»). О ней сказано, что в монастырь «дал тое деревню вкладу старец Варлам Лошкин <...> собою. И вкладную <...>

⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 24. Л. 35; Кн. 35. Л. 33; ИРЛИ. Колл. В. Н. Перетца. № 107. Л. 2, 30.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 41. Л. 11 об., 13 об.

⁶³ Манькова И. Л. Настоятели Верхотурского Николаевского монастыря в XVII — первой четверти XVIII в. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тез. докл. и сообщ. Всеросс. научн.-практ. конф. 26–28 мая 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 290.

дал»⁶⁴. Упомянут «старец Варлам Лошкин» в этих же дозорных материалах и при описании одного из поселений на р. Тагиле, не принадлежащих Никольскому монастырю (лишь впоследствии оно войдет в состав монастырских владений под названием «деревня Лошкина на Тагиле реке»). Согласно данным дозорной книги 1621 г., поселение располагалось от Верхотурья «водяным путем сто восемьдесят верст». Из насельников назывались «пашенной крестьянин Первушка Кыркин да пасынок ево Путилко Лошкин». Эти крестьяне «почали <...> тое пашню пахать и сено косити со 125-го (1616/17) году по духовной старца Варлама Лошкина»⁶⁵. Таким образом, дозорная книга Ф. И. Тараканова позволяет выделить ряд биографических данных о «старце Варламе»: 1) он имел «фамилию» Лошкин и принял постриг в Никольском монастыре около 1616/17 г. 2) при постриге Варлаам пожертвовал в обитель свое земельное владение (деревню-одноворку) на р. Туре, а другое земельное владение (на р. Тагиле) завещал некоему своему родственнику и его отчиму.

Возникает вопрос — может быть, в Свято-Николаевском монастыре в 1621 г. было два монаха с именем Варлаам, а «старец строитель Варлам», посланный в 1621 г. архиепископом Киприаном «на Тагил», и «старец Варлам Лошкин», упомянутый в переписи того же года, разные лица? Тождественность строителя Варлаама и Варлаама Лошкина практически не вызывает сомнения, и вот почему. К началу 20-х гг. XVII в. в Никольской обители, по свидетельству тюменского «черного попа» Ионы (он расспрашивался в 1621 г. в Москве чиновниками Приказа Казанского дворца), было всего 6 насельников-монахов⁶⁶. Имена пятерых нам известны — игумен Авраамий, строитель Варлаам, «черный поп» Христофор, «старчик служебник» Симеон, а также рукоположенный владыкой Киприаном в иеромонахи вместо Христофора из состава «рядовой» Никольской братии инок Феодосий⁶⁷. Вероятность того, что единственный неизвестный нам по имени «старец» как и монастырский строитель назывался Варлаамом, весьма мала.

В составленной в 1623/24 г. дозорной книге М. А. Тюхина при описании туринской Лошкиной говорится, что «дал <...> в монастырь тое

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 1. Л. 94 об. – 95.

⁶⁵ Там же. Л. 51 об. – 52.

⁶⁶ АИ. Т. 3. № 103. С. 140–143; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. № 172. С. 272.

⁶⁷ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 177.

деревню по своей душе посадкой человек Варлаам Лошкин»⁶⁸. Факт того, что Лошкин назван «посадским человеком», а не «старцем», может объясняться следующим образом. К моменту составления тюхинского «дозора» Варлаама не было в Лошкине на Туре, поэтому «дозорщик» внес в книгу сведения о нем, что называется, «заочь» — по-видимому, со слов лошкинских поселенцев. А те, в свою очередь, вероятно, не знали мирского имени Варлаама, но помнили, что до пострижения в монастырь бывший хозяин деревни был посадским человеком. К тому же писцов 1623/24 г., надо полагать, больше интересовала информация о прежнем социальном положении Варлаама, нежели сам факт того, что, завещав свою землю Никольскому монастырю, он влился в состав братии обители.

Насельников другой деревни Лошкиной, тагильской, М. А. Тюхин описывает так: «Двор. Пашенной крестьянин Первушка Масленик. А у него пасынок Путилко Иванов сын»⁶⁹. Без сомнения, это известные нам по переписи 1621 г. Первушка Кыркин с пасынком Путилкой Лошкиным.

«Дозор» М. А. Тюхина вносит сведения и о другом представителе семейства Лошкиных — Иване (по всей видимости, отце Путилы Иванова Лошкина). При описании одной из деревень «на Тагиле», которая принадлежала Устюжскому Архангельскому монастырю, писец 1623/24 г. фиксирует, что, со слов проживавших там монастырского сельского старца и служки, «им тое деревню дал пашенной крестьянин Иван Лошкин»⁷⁰.

Как видим, в верхотурских дозорных книгах первой половины 20-х гг. XVII в. можно встретить имена трех представителей одной семьи — Варлаама (монашеское имя), Ивана и Путилы Иванова Лошкиных.

Как давно это семейство обосновалось в Верхотурье и откуда оно пришло в Сибирь? Самые ранние документы по истории города дают ответ на этот вопрос. В 1599 г. «в новой город на Верхотурье» для устройства городского посада с Вятки правительством были переселены «торговые люди» (так обычно называли зажиточную верхушку посадского населения) Клим Терентьев и Василий Лошкин. Сразу же по приезде в Верхотурье вятчане «били челом» государю с просьбой разрешить им не перевозить «за Камень» свои семьи до тех пор,

⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 189 об.

⁶⁹ Там же. Л. 240 об.

⁷⁰ Там же. Л. 190 об. – 191.

пока они хозяйственно не освоятся на новом месте жительства. Царь Борис Федорович удовлетворил прошение⁷¹. «Новые жилетцкие торговые люди Климка Терентьев да Васка Лошкин [во] всех товарищей своих [место]» подали и другое челобитье, прося наделить их для хозяйственного обзаведения землями. Они предлагали решить вопрос с землей за счет владений верхотурских манси. Просители писали, что аборигены-«вагуличи» получают от царя грамоты, подтверждающие их права на родовые угодья. Однако, как заявляли Терентьев и Лошкин, манси владеют своими землями «мало», сдают их в наем «перми-чом», и т. п. Грамотой от 29 ноября 1599 г. Борис Годунов приказал верхотурским администраторам обеспечить челобитчиков пашенными наделами⁷².

Первым из Лошкиных, как видим из документов конца XVI в., приезжает с Вятки в Верхотурье и подготавливает базу для переезда за Урал остальных «чад и домочадцев» Василий. Он является ответственным перед государством «тяглицом», а посему «дворохозяином», главой большой патриархальной семьи и владельцем всего семейного имущества. Именно его царской грамотой велено было наделить пашенными угодьями.

Исходя из вышесказанного, есть все основания полагать, что под именем Варлаама постригся в Верхотурский Никольский монастырь глава семейства Лошкиных Василий. При постриге он «дал вкладом» в обитель свое туринское земельное владение, а тагильскую «деревню» завещал одному из младших родственников клана (своему внуку) и его отчиму.

Зажиточные посадские («торговые люди») имели опыт обращения с крупными денежными суммами (они даже привлекались государством к исполнению различных административных должностей, связанных с казенными финансами, — таможенных и кабацких голов, целовальников и т. п.). Поэтому бывший «торговый человек» Василий Лошкин, став иноком Варлаамом, надо полагать, по праву получил начальственную должность монастырского эконома. Занять видное место в Свято-Николаевской обители ему позволял и богатый вклад при постриге своей туринской «деревней» (возможно, и другим ценным имуществом).

⁷¹ АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 29. С. 26–27.

⁷² Там же. № 28. С. 26; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. Ч. 1 / сост. Е. Н. Ошанина. М., 1982. С. 47–48.

Что же касается Ивана Лошкина, то он приходился Василию сыном. «А меновую писал Ивашко Васильев сын Лошкин лета 7118 году мая в 13 день» — читаем в удостоверительной части одной из верхотурских «меновых записей» 1610 г.⁷³ Выделившись из состава посадской семьи Василия в самостоятельное хозяйство, приняв на себя «тягло» черносошного пашенного крестьянина, Иван, судя по всему, умер раньше, чем Василий постригся в Никольский монастырь. Поскольку Иван завещал свою землю Устюжскому Архангельскому монастырю, его несовершеннолетний сын остался без надела. Путило вместе с отчимом поселился в принадлежащей его деду Василию «деревне» на Тагиле. Постригшись в Свято-Николаевский монастырь, Василий-Варлаам отписал им «по духовной» свою тагильскую землю⁷⁴.

О судьбе «старца Варлама Лошкина» после 1621 г. нам пока неизвестно. Остается надеяться, что в отечественных древлехранилищах со временем удастся отыскать новые материалы об этом монастырском строителе.

⁷³ *Иванова В. И.* Западно-сибирские поземельные частные акты в архиве ЛОИИ СССР АН СССР (купчие, поступные, вкладные, меновые) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. № 1. С. 171.

⁷⁴ Отметим: факт владения Варлаамом (Лошкиным) в прошлой мирской жизни этой «деревней», по всей видимости, послужил причиной тому, что именно он был послан владыкой Киприаном на Тагил в помощники игумену Авраамию для основания Рождественского монастыря. Авраамий и Варлаам — бывшие тагильские землевладельцы, как никто другой имевшие представление о тамошних поземельных проблемах.

Andrey V. Poletaev

**ARCHBISHOP CYPRIAN, ABBOT AVRAAMY AND
BUILDER VARLAAM (1621 IN THE HISTORY OF ST
NICHOLAS MONASTERY IN VERKHOTURIE)
[PRELIMINARY MATERIALS
FOR A SYNODIK DICTIONARY]**

In this study the author makes an attempt to find answers to some unresolved questions of the history of the Russian Orthodox Church in the Ural-Siberian region in 1621, the year when the Siberian and Tobolsk diocese headed by Archbishop Cyprian was founded. First of all these questions deal with the history of St. Nicholas monastery in Verkhoturie. The author reconstructs the biographies of the two monks, abbot Avraamy and builder Varlaam, who both played an important role in the monastery life at that time.

Keywords: *the Ural-Siberian church history, St Nicholas monastery in Verkhoturie in the first quarter of the XVII century, archaeography, historical genealogy.*